

ки рыб' (Арх: Котл, Лен; Влг: Баб, Бел, В-Важ), *слепыш* 'то же' (Влг: В-Важ) [КСГРС]; *слепё* 'мальки, рыба молодёжь' (Карел: Пуд), *слепыш* 'о рыбьих мальках' (Арх: Онеж) [СРГК, 6, 151].

География слов этой группы обширна, внутренняя форма прозрачна, что свидетельствует об исконном происхождении ихтионимов. Все они могут быть формально связаны с прилагательным *слепой*. Т. П. Алексеенко рассматривает два существительных, образованных от основы прилагательного *слепой*: *слепушка* 'самая мелкая дель на мотню неводную' и *слепушка* 'сетяное полотно с самой мелкой ячейкой' как реализацию семантической цепочки: 'слепой' → 'плохо воспринимаемый зрением' → 'мелкий' [см.: Алексеенко, 1998, 111]. Существование такой семантической цепочки, подтвержденное наличием примеров, объясняет ихтионимы *слепёц*, *слепня*, *слепотá* и др. как реализующие тот же номинативный признак, что и лексемы *мелкуша*, *малыжина*, *молявка* и др. – признак, характеризующий рыбу как имеющую маленький размер тела. Таким образом, все названия рыб данной группы мотивированы прилагательным *слепой* в переносном значении 'плохо воспринимаемый зрением, мелкий' (ср. такое переносное значение прилагательного *слепой* как 'нечеткий, неотчетливый, плохо различимый. О буквах, шрифте и т. п.' [ССРЛЯ, 13, 1197]).

Е. Н. Топорова

Коммуникативная функция мотивации в русской диалектной лексике Свердловской области и Русского Севера

Для говорящего, стремящегося выразить свою мысль в языковой форме так, чтобы она была максимально понятна собеседнику, первоочередная задача – найти и задействовать средства, способные наиболее полно активизировать у слушающего представление о предмете, событии или явлении через известные тому элементы речевого материала. Благодаря ассоциативному характеру мыслительных процессов,

оптимальным способом достижения стоящей задачи становится обращение к средствам лексической мотивации, когда вновь образуемая единица формально и семантически поддерживается уже существующей в языке лексемой. Исследователями неоднократно отмечалось, что мотивационные отношения слов могут существовать и потенциально, однако основным доказательством того, что эти отношения действительно существуют, что они осознаются носителями языка, является их регулярная актуализация в речи. Анализ лексики картотеки «Словаря говоров Русского Севера» наглядно демонстрирует, что основные проявления коммуникативной функции мотивации – информативная, текстоформирующая, характеризующая, метаязыковая – представлены в полной мере в речи диалектоносителей. Представляется небезынтересным сравнить реализацию означенных функций в диалектах Свердловской области и Русского Севера. Материалом для такого сопоставления послужили данные, с одной стороны, СГРС, КСГРС, с другой – СРГСУ, СРГСУ-Д.

Проявление информативной функции мотивации выражается в непреднамеренном употреблении слов, находящихся в отношении мотивации (в данном случае – лексической) при передаче какой-либо информации воспринимающей стороне, при этом мотиваты, как правило, являются единственными обозначениями соответствующих предметов, понятий, признаков и т. д. Так, например, единственность лексического мотиватора (далее – ЛМ) *берег* для лексем *заберега* ‘ледяная кромка, которая долго держится у берега во время весеннего таяния льда’ [КСГРС] и *забережник* ‘тонкий лед у берегов реки, ручья или озера (образующийся осенью при замерзании или весной при оттаивании)’ [СРГСУ] становится причиной непреднамеренной актуализации мотиватов: *В серёдке лёд стаял, а у берега остаётся ещё; когда вода прибывает, она обламывает забереги, они обседают* (Карг, Давыдово) [КСГРС]; *Река пола, а на берегах лед – забережник* (Таб, Ш) [СРГСУ].

Как в среднеуральских говорах, так и в говорах Русского Севера отмечается регулярная актуализация информативной функции мотивации при реализации в речи диалектоносителей мотивированных наименований человека, отображающих какие-либо его качества, отличительные особенности внешности, характера или поведения.

Русский Север [КСГРС]: *боботало* ‘о быстро и невнятно говорящем человеке’: *Боботало, сидит, бобочет, не разберёшь его* (Вил, Казаково), ЛМ – *боботать* ‘быстро и невнятно говорить’; *ворза* ‘шалун, проказник, озорник’: У, *ворза какой, всё ворзает!* (У-Куб, Гора), ЛМ – *ворзать* ‘шалить, хулиганить’; *вырандун* ‘ворчун’: Ну, *вырандун, вырандат да вырандат!* (Выг, Цимино), ЛМ – *вырандаты* ‘ворчать’; *выскреб* ‘человек, имеющий о себе слишком высокое мнение’: Она таким *выскребам* себя держит, ... *привыкши выскребаться* всю жизнь (Чаг, Березник), ЛМ – *выскребаться* ‘иметь о себе высокое мнение’; *грызун* ‘ворчливый человек, брюзга’: *Грызутся они, грызуны такие* (Пин, Кеврола), ЛМ – *грязь* разг. ‘ссориться, перебраниваться’ [СРЯ, 1, 475]; *заливало* ‘лгун, врун’: *Заливало тако, заливат, заливат* (Пин, Кеврола); ЛМ – *заливать* прост. ‘лгать’ [Там же, 738]; *лезга* ‘человек, который болтает попусту’: Ой, *бабка, лезга ты, налезжала им, чего не знаешь!* (Чаг, Пучнино), ЛМ – (на) *лезжаты* ‘болтать попусту’; *леобай* ‘человек, который болтает попусту’: *Леобай болтает, леобайничает сидит, слово по другому смыслу говорит* (Кир, Ольховица), ЛМ – *леобайничать* ‘болтать попусту’; *оширка* ‘женщина-сплетница’: *Оширка, не оширайся, хватит зубоскалить!* (Мез, Заакакурье), ЛМ – *оширяться* ‘сплетничать’; *оцоульник* ‘человек, который насмехается, издевается над кем-л.’: *Оцоульник он, всё оцоульничает над народом-то* (Пин, Кеврола), ЛМ – *оцоульничать* ‘насмехаться’; *шеверту́ня* ‘женщина, плохо выговаривающая отдельные звуки’: Вот моя соседка *шеверту́ня* – *шевертит и шевертит* (М-Реч, Козланга), ЛМ – *шевертит* ‘говорить невнятно’; *шемету́ня* ‘женщина, которая семенит при ходьбе’: *Шемету́ня идёт след в след, шеметит* (Вил, Истоминская), ЛМ – *шеметить* ‘семенить’; *шиганду́ня* ‘женщина, которая тихо говорит’: *Шиганду́ня, негромко говорит, токо шигандат* (Выг, Замошье), ЛМ – *шигандаты* ‘шептать’; *шлюн* ‘праздношатающийся человек’: *Шлюн он, шляется всё, ничего не делает* (Вил, Виледь), ЛМ – *шляться* ‘ходить, бродить, переходить с места на место без особого занятия, дела’ [СРЯ, 4, 989]; *яру́ха* ‘о сердитой, вспыльчивой женщине’: *Ярая какая мне жонка попала, яруха так яруха!* (В-Т, Великая), ЛМ – *ярый* ‘злой, сердитый’.

Средний Урал [СРГСУ]: *балаболка* ‘болтун, пустомеля’: *Балаболит* хошь докаль, *бала-болка* несчастная (Полев), Ох, и *балаболка* жо ты: *балаболишь, балаболишь* (Мех), ЛМ – *балаболить* ‘болтать,

говорить вздор'; *беглячиха* 'подвижная, энергичная, живая женщина': *Я такая беглячиха – всё бегаю* (Тур, Усениново), ЛМ – *бегать*; *брында* 'обидчивый, капризный человек': *Вот брында, опять забрындила* (С-Лог), ЛМ – *брындить*, 'отказываться от игры или от начатого дела из каприза, из обиды, без каких-л. оснований'; *варначка* 'проказница, озорница': *Ох ты, варначка, наварначила опеть, все сливки съела* (Петр), ЛМ – *варначить* 'безобразничать, хулиганить, озорничать'; *веньга* 'плакса': *Девчоночка у их есть, веньга такая, веньгат, веньгат всё время* (Бел, М. Брусяна), ЛМ – *веньгать* 'хныкать, ныть, говорить плаксивым голосом, капризничать'; *выкомұра* 'остроумный человек, выдумщик': *Рассказывают чё-нибудь, посмежат; такой выкомұра, всё сидит выкомұриват* (Тур, Лип), ЛМ – *выкомұривать* 'выдумывать что-л. невероятное; говорить намеками, двусмысленно' [СРГСУ, 1, 102]; *дрёмота* 'сонливый человек': *Вот дремота, скажет слово и дремлет* (С-Лог, Брусяна), ЛМ – *дремать*; *няргун* 'плакса': *У, няргун, ты только няргашь* (Ивд, Пер), ЛМ – *няргать* 'капризничать, хныкать'; *шатунина* 'праздношатающийся, ничего не делающий человек': *Хоть заставляй их робить, хоть нет – все они шатунины, шатаются по деревням* (Алап, Л), ЛМ – *шататься* прост. 'бродить без дела; болтаться, слоняться' [СРЯ, 4, 961]; *урос* 'капризный ребенок': *Он у нас такой урос был, всё уросит, ни к кому не идёт, ни на кого не глядит* (Кр-Уф, Буг), ЛМ – *уросить* 'капризничать'.

Непреднамеренная актуализация мотивационных отношений реализуется естественным образом во время повседневного общения внутри языкового коллектива и предполагает описание прототипических ситуаций. Чаще всего они связаны с трудовой или промысловой деятельностью, когда при описании означенных процессов в речи носителя говора обычно задействованы и мотивированный глагол и мотиватор – название орудия труда, снасти и т. п., например: *Кутилом закутилишь его да тащишь за собой в лодке* (Прим, Яреньга) (*кутило* 'гарпун' [КСГРС]); *Ботали до позднего вечера рыбу, бурлили воду ботом* (В-Тавд) (*бот* 'длинный шест с железной воронкой на конце для загона рыбы в сеть или иную ловушку' [СГРСУ]).

Отмечается регулярность проявления информативной функции в тех случаях, когда темой высказывания становятся мотиваты «кушанье» – «продукт, из которого изготовлено кушанье».

Русский Север: *Голубишники раньше пекли, голубики много было* (Ваш, Ивановское); *Это не суп, а грибовенка из дорогих грибов* (Котл, Берег); *Грибов наносят из лесу, засушат и варят грибовницу* (В-Т, Красногорская); *Грибов-то мало теперь, так грибовики мало кто пекёт* (Он, Андиферовский Бор); *Заспелник из заспы пекём* (К-Г, Киркино); *В говенье семенники стряпали, семя конопляно клали* (К-Г, Чирядка); *Ягод принесли, ягодницу похлебали* (Вель, Келарева Горка); *Мёрзлая ягода растает, мешали её с толокном, ягодницу делали* (Вель, Савинская);

Средний Урал: *Как грибы-то пойдут, дак часто грибник стряпам* (Алап, Путилово); *Грибник с разным грибом бывает* (Туг, Колобова); *Стряпам с грибам, грибовникам у нас их зовут* (Н-Тур, Елкино); *Горошницу ране так варили: побольше гороху возьмут, сварят, разомнут и разводят кипячёной водой* (Исет); *Из гороху так горошницу варили, сушили его* (Шал, Пермьяки); *Квашонку растворит, туда мясо нарублено, наутро стряпашь мясники* (Верхот, Зл); *Как обабки пойдут, обабницу и варим* (Покр, Тем).

Известно, что текстоформирующая функция мотивации более характерна для языка художественных произведений, когда слова, находящиеся в отношениях лексической мотивации, выступают в роли своеобразных «скрепов», участвуя в создании смыслового и формального единства текста. Однако КСГРС предоставляет нам немало примеров фиксации такой структуры фраз, когда многократно задействуется одна и та же основа в тех или иных вариантах. Такое «умножение» – удвоение, утроение – корня в рамках мотивации обычно нацелено на фиксацию внимания говорящего или слушающего на какой-либо детали сообщения, а также часто используется для передачи интенсивности признака или действия и для повышения эмоциональности и экспрессивности речи. См.: *Бугрим картошку, забугрили бугрилкой конной, едут между рядами, и бугрится, хорошо забугривается очень* (В-Уст, Заямжа); *Воротовицы раньше были, на ней воротам невод воротить* (Влгд, Котлово); *Уголь загнетают в загнёты, огнетёшь в сторону* (Кад, Хламово); *Дира есь где-ко, куржеют пазы, куржевина така, накуржевееет на углах – зайцы-те будут* (В-Уст, Буково); *Сопрёт воду – так вот и спор воды, такой луг называли споровой* (В-Т, Малетинская); *Наставило стамух по реке, неровно река стаёт* (Мез, М. Слобода); *Потом в лесу у нас чищенья, чисто видно, так траву ко-*

сим, старики давно уж чистили (Хар, Никулинское); *Не веньгай веньгун, ой, развеньгался!* (Котл, Урдома); *Касть, кастёна, всяко выкастит* (Пин, Кеврола); *Ой, круто говорит, крутит, крутилко!* (В-Уст, Кулаково); *Шамам, ой, нахамили в избе, надо выпахать шам-то из избы* (Карг, Самсоново).

В среднеуральских материалах случаи фиксации текстоформирующей функции встречаются гораздо реже: *Вязать снопы нечем, вязки коротки, рвутся, вязева надо нажать – травы нажать на вязево, а косишь, дак и спутаешь всё, как будем вязать-то* (Зайк, О); *Треплют треплом, остаются трепи* (Ирб, Мал).

Характеризующая функция проявляется посредством раскрытия мотивировочных признаков реалии, когда обозначаемое описывается как единичное явление, обладающее уникальной совокупностью признаков, качеств и свойств, обеспечивая тем самым более адекватное восприятие информации слушающим. Характерно, что диалектоносители как территории Русского Севера, так и территории Свердловской области наиболее часто реализуют данную функцию при описании реалий природы.

Русский Север: *Болотина – так по болотам растёт* (Вож, Левинская); *Супротивница – трава растёт супротив воды* (Ник, Пермас); *Голубель – ягоды таки крупные, вкусные, голубые* (Нянд, Кувшиниха); *Ольховики такие серые грибы, под ольхой растут* (Вож, Сурковская); *Скрипун – он наподобие груздя, сухой и скрипит, если потрёшь* (К-Б, Ляпуновская); *Голубан – большая утка, сера с голубым, а других пёрышков нет* (Леш, Вожгора);

Средний Урал: *Болотинка в болотах растёт* (Сл-Тур, Кр-Сл); *Потом уж и верховод родился, наверху был при рождении* (Камышл, Галкинское); *Вьюн в воде вьётся, может в человека впитаться* (Зайк, Б. Кочевка); *Вострахвост с таким востреньким хвостиком* (Верхот, П); *На болоте и чистяки бывали – там чиста вода стоит* (Богд, В-П); *Ячменище – сжатое поле ячменя* (Манч, Карг).

С функцией характеристики схожа функция объяснения, однако в данном случае лексический мотиватор привлекается для пояснения внутренней формы мотивируемого слова. Обращение к данной функции мотивации чаще всего спровоцировано необходимостью преодоления коммуникативных трудностей при общении с людьми, принадлежащими к другой социальной группе (именно в роли такого

«провокатора» часто выступает собиратель при беседе с информантом). Наиболее часто функция объяснения реализуется, когда речь заходит о предметах или явлениях, связанных с деревенским хозяйством, бытом, с сельским хозяйством, охотничьим и рыболовным промыслами и т. д., т. е. с теми сферами, которые для собеседника (в ситуации сбора лексических материалов – собирателя-горожанина) незнакомы или малоизвестны, а потому требуют особого пояснения. Многочисленные материалы свидетельствуют о том, что для функции объяснения характерным является наличие в контексте, помимо самих мотиватов, оборотов *потому, потому что*, а также слов *говорить, называть, звать, называться, зваться*.

Русский Север: Толстые косы *скованы*, дак их *кованки* называют (Ваш, Покровская); *Мётка* – это такие деревянные вилы с тремя рогами, ими сено *метали* (В-Уст, В. Анисимово); *А корзина та называется нагрузка, тяжело нагружали* (Прим, Лопшеньга); *Второй раз пашут, навоз чтоб завалить – вот и завалка* (Хар, Дитинская); *Денник* звауся потому, что там *днём* теляток *выгоняли пастись* (Котл, Прела); *От овса пелёва, а от остального – заварка, потому что её скоту заваривали* (Нянд, Колодратовская); *Бродим с ним, вот бродец и называется* (Устюж, Даниловская); *Редкие сети-то так и называют редыши, а частая – так частуха* (Кир, Лобаново); *Верх реки где-то, дак вот и верхоречина* (В-Т, Великая); *Яма, из неё кабыть земля выдернута – это выдра и есть* (Пин, С. Лавела); *Гнутка* – самый первый лёд, когда лёд *гнётся* (Прим, Пустошь); *Со всей травки обдует росу, а на ей дёржится, вот росянка и зовут* (Бел, Каменник); *Морошку раньше называли куманицей, а звали их так потому, что они красные как кумач* (Чаг, Мишино); *Верховики* [мелкая рыбка] – оне *наверху* воды ходят, *вот верховиками* и называли (Ваш, Босово); *Плотицу насадишь на крючок и манишь щуку, плотица манихой отсель и зовётся* (Выг, Чоково); *Мясник* – большая синица, *мясо* клюёт, *вот и прозвали мясником* (Сямж, Пигалева Горка).

Средний Урал: *Весной стригут – весником зовут* (Н-Серг, Пол); *Озерины где, болото выгорели – выгаркам зовут* (Тур, Буш). *Змея ли, ящерка выползет со шкуры, дак ее, шкуру-ту, выползок зовут* (Верхот, 3); *Весной опять оттаиват лед у берегов – называются забережник* (Тур, Р); *Три листка, потому троелисткой зовут* (Реж, Гол); *Пошадь, ежели трёх годов, третьяк называется* (Тал, Зареч); *А кол-*

ды снег *тает* – *талица* зовут (Алап, М); *Оладницей* формочку зовут, где *олады* *стряпают* (Зайк, Ч); *Кадушка* так и называется *кадкой*, а вот колды у ей *три ножки*, так это *треног* (Лог, К); *Ежели с твoroжкaм* да луком напечёшь – *пирог твoroжник* называется (Ирб, Пр); *Поле*, где *ячмень* собран, *ячменищем* зовётся (Тур, У).

КСГРС предоставляет также многочисленные примеры толкования диалектоносителями слова через образное осмысление его внутренней формы. Так, при объяснении слова *шляпчник* в значении ‘строевой лес (из сосен, ветви которых растут только у вершины)’, говорящим реализуется ассоциативная связь ‘крона на самой вершине дерева’ – ‘шляпка’: *Сосняк мы зовём ещё и шляпчником. Почто так зовём? Так ведь стволы все голые, а кроны немного, только шляпки и есть, вот и получается шляпчник* (Вель, Крюково). См. также: *Волосач* – такая длинная трава, она на кочах и разводится, как *волосья* на голове (Кон, Избное); *Давайте-ко, бабы, загарку-то* [чайник] *зелейте*, он маленький, круглой, чёрной, как *гагара* (Выг, Акулово); *Денежником* прозвали-то потому, что там семена, как *денежки*, брякают (Кир, Ракула); *Денежник* на полях растёт с коготь *твёрдые штучки шумят*, как *денежки* (Лен, Шаровицы); *Ежа* высокая, до человеческого роста и больше, соцветия, как *ёжичек* (Устюж, Захаровское); *Копытник* на берёзе, на ольхе есь, как *копыто* тако (В-Уст, Анциферово); *Коровинники* [грибы] *варят*, на *коров* *походят* (Вил, Горка); *Маслики* такие мохнатые, как *шубой* *покрыты*, *шубники* и называют (Холм, Среднеконская); *Такой*, как *пуговица*, только с хвостом *ребёнок* у *лягухи-то*, поэтому «*пугаловок*» и зовут (Он, Юдмозеро).

В СРГСУ количество примеров подобного образного осмысления внутренней формы слова довольно ограничено: *Бусинец* – мелкий дождь, как *бусинки* *каплет* (Тут, Осиновка); *Гвоздянка* – трава, здесь у нас нет, *покупаю*, у нас не *вызрeвaт*, *листочки* *мелконьки*, *поспeет* – *отпадёт*, *отлиняет*, и *семенушки* *гвоздикам* (Таб, К); *Грабельник* *отцвeтёт*, *дак цветы*, как *грабли*, *висят* (Богд, Полдневой).

Если мотивация в функции объяснения актуализирует внутреннюю форму слова для того, чтобы прояснить для слушающего качества, свойства либо функциональную направленность тех или иных объектов действительности, то обращение к метаязыковой функции мотивации вызвано стремлением говорящего восстановить внутреннюю форму с тем, чтобы прояснить «устройство» слова. В данном случае объектом на-

блюдения становится язык, а языковые рефлексии – специальным предметом сообщения. КСГРС предоставляет обилие метатекстов подобного рода. Помимо самих мотиватов в контексте нередко появляются такие слова, как *наверное*, *может*, и это следует признать показателем творческого подхода к слову, когда поиск внутренней формы становится целью и сопровождается сомнениями и догадками. Также зафиксировано немало примеров с применением синтаксической конструкции *произошло от слова*, когда к объясняемой лексеме подбираются семантические параллели из числа созвучных лексических единиц.

Например, диалектоносителем высказывается предположение о происхождении лексемы *чупыжиться* ‘важничать’ от слова *чуп* ‘пучок волос на затылке’ [КСГРС]: *Девуца сидит, губы подберёт – ой, чупыжится; это слово, поди, от чупа пошло* (Карг, Лохово); лексемы *целба* ‘шест, прикрепленный к рыболовной сети и указывающий ее местонахождение’ от слова *цель*: *Целба – как буёк, от слова «цель»*; *рыбак говорит: вон моя цель* (Ваш, Гаврилово). См. также: *Другие хорошо ушивают, другие плохо курают, это от слова «неаккуратно»* (В-Уст, Рукавишниково); *По берегам рек ледуника, она кисло-сладкая такая, от слова «леденцовая», из-за кислоты своей* (Устюж, Самойлово); *Ловда – верхняя доска у матицы, как бы ловушка расширяется, я думаю, от слова «лов»* (Карг, Великая); *Лыч – от слова «лыко», ботву зовут картофельную лычам* (Гряз, Меленка); *Малыг-от – небольшой песок, от слова «маленький»* (Вил, Гришинская); *Морозга – от слова «моросить»* (Вель, Палкино); *Отымки от «отдымки», ими из дыма доставали* (Прим, Шеинская); *Кухня – это прилуб, вероятно, от «прируба», раньше в старину, верно, прирубали* (Кир, Чарозеро); *Салак-сан – мальчик подвижный, бойкий, наверно, это от слова «салака»* (Вил, Нылога); *Списник-от от слова «спичка», на котору вешали ёго* (Мез, Жердь); *Мешок наполнила до устья, это, наверно, от слова «узенько»* (Котл, Заберезник); *Чупыш – это ведь тоже холм, от слова «чуб» идёт. Чубы казацкие знаешь? Они ведь тоже на возвышенности, вот и чупыш также будет* (Вель, Юхнево); *Вон за печкой шарчит шорох – от слова «шарчить»* (Прим, Карандашевская); *Яморина – от слова «яма», глубоко место в дне* (Леш, Шегмас); *Ямурина – углубление некрутое в земле, от слова «яма», токо ямурина крупная* (Уст, Строевская); *Гусятница [травя] – гуси, наверно, едят* (В-Уст, Ядро); *Поплавнем ловят сёмгу, плавает сетка, вот, наверно, и на-*

звали (Леш, Вожгора); *Пятки эти* [чашелистики морозики] *можно заваривать и чай пить, а пятка – так пять лепестков, наверно, и есть* (Чаг, Горка); *Святина* [праздник] – *церковь святили, видимо* (Мез, Сёмжа); *Слепыши серенькие такие у них, наверно, глаза маленькие, вот и слепыши* (Бел, Пиндино); *А вот ещё внутренности называются «черёва», может, что черви там* (Вин, Троица).

В СРГСУ подобные рефлексии единичны. Так, при объяснении слова *мёденник* ‘медный луженый котел или горшок для воды’ диалектоносите́ль не только пытается его этимологически осмыслить, но и обращает внимание на возникающую фонетическую интерпретацию: *А вот как чугу́нки; только медной, от слова медь, а называю-то его миденник, через «и»* (Байк, Зубр).

Сравнительный анализ фиксаций проявления коммуникативной функции мотивации в говорах Урала и Русского Севера позволяет подвести следующие итоги. Такие функции, как информативная, функции характеристики и объяснения, в равной мере находят свое широкое отображение в обоих источниках (и даже в идентичных тематических группах). В то же время среднеуральские материалы, в противовес данным говоров Русского Севера, оказываются очень скудны примерами текстоформирующей и метаязыковой функции, а также случаями образного осмысления внутренней формы слова при применении функции объяснения. Однако из этого не следует, что носителям среднеуральских говоров по сравнению с жителями Русского Севера менее свойственна экспрессивность и образность речи, внимание к языковой природе слова. Подобные результаты скорее свидетельствуют о просчетах в ходе полевого сбора диалектной лексики и позволяют подумывать о коррекции процесса опроса информантов, уделяя больше внимания провоцированию и поощрению языковых рефлексий.